

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

«Блуждающее внимание» в психоаналитическом слушании. По ту сторону манифестного содержания сновидения

А. Ру

(Пер. с фр. и науч. ред.: О. В. Чекунова)

Анни Ру – психиатр и психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества.

На примере клинических случаев автор предлагает описание феномена блуждающего внимания аналитика в процессе психоаналитического слушания, когда оно соединяется с загадочными и непонятными аспектами переноса. То, что слышит аналитик, является не тем, что он думает услышать. Впрочем, и пациент не говорит то, что он думает сказать. Аналитик «без памяти и желания», следующий рекомендации Биона, делает возможным развитие диалога, в котором бесформенный и неупорядоченный материал пациента наделяется смыслом. В результате этих блужданий внезапно появляются бессознательные мотивы и обнаруживается определенное направление.

Ключевые слова: «без памяти и желания», блуждающее слушание, галлюцинация, ненависть в контрпереносе, проективная идентификация.

Когда Фрейд говорит о том, что то, что является удовольствием для одной системы, может стать неудовольствием для другой, он имеет в виду симптом и его болезненную фиксацию. Симптом представляет собой компромисс между запретным желанием и его реализацией. Это желание может быть удовлетворено не напрямую, а только лишь обходным путем. Например, компульсивное мытье рук может обозначать подавленное мастурбаторное желание. Множество других симптомов используют подобные обходные пути.

Работа Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» является фундаментальным текстом, в котором раскрывается теория сексуальности, исследуется возбуждение и его трансформация в различные виды сексуального опыта, в том числе первертного. Для детей очень часто возбуждение находится под запретом: «Дети, успокойтесь, пора ложиться спать!» К счастью, для детей ночь – это еще и время для снов.

Фрейд сформулировал модели психического аппарата, в которых он описывает психическое пространство как структуру, разделенную на несколько инстанций, а именно Я, Сверх-Я и Оно во второй топике.

Что же может сделать психоанализ?

Когда я была в анализе, я выпускала на волю поток моих мыслей, соблюдая правило свободных ассоциаций. Я переходила от одной темы к другой или оставалась в рамках рациональной логики: сегодня я буду придерживаться одной темы. Никакой «чепухи», никаких ассоциаций.

Конечно, я приняла основное правило свободных ассоциаций, приняла его в принципе, но были темы, с которыми я не хотела сталкиваться. Я отложила их на потом. Наступит день, и я признаюсь в том, что вызывает у меня стыд, обещала я себе. Я знала, что мой психоаналитик терпелив и его не проведешь. Но я также знала, что он не способен читать мои мысли.

Наступит день, и я смогу рассказать обо всем естественным образом. Это случится, когда благодаря переносу установится доверие и я осмелюсь показать себя без прикрас. Это случится тогда, когда будет проделана большая работа, когда вытесненное поднимется на поверхность, когда я стану той, кем я являюсь, не скрывая своих чувств и не притворяясь.

Именно в этот момент я смогу «блуждать». Если однажды у меня получится рассказать все другому (и если у психоаналитика получится принять эти слова), можно сказать, что именно тогда я достигну уровня внутренней свободы. Максимально приближусь к своему истинному Я. Винникотт много об этом говорил.

Я принимаю во внимание определение слова «блуждание» из словаря Ларусса – это «движение без цели»; как мы видим, это определение включает в себя идею перемещения в пространстве и телесные движения. Я использую этот образ, потому что он очень метафоричен. «Блуждать» – это в первую очередь идти навстречу неизвестному. Если есть путь, это предполагает перемещение из одного пункта в другой, причем конечный пункт заранее не обозначен. Если мы представим анализ как путь, у которого есть конец, то что же мы будем понимать под конечной целью анализа? Конец анализа – это не только прекращение страданий, но и появление любопытства по отношению к себе, желание открыть в себе неизвестное. Но всегда остается что-то загадочное. Бессознательное оставляет за собой право оживлять мои сновидения и прокладывать путь моим желаниям без моего ведома.

Я в начале статьи уже упоминала симптом и два регистра – бессознательное и сознание, которые в нем соединяются. Подобное деление на два регистра является чрезвычайно важным, поскольку именно здесь фокусируется внимание аналитика.

Существует разрыв между манифестной речью пациента и тем, что слышит и, добавлю, принимает аналитик. Аналитик слышит не только те слова, что произносит пациент, он слышит и то, что выходит за пределы сказанного. Он видит, ощущает, чувствует, предчувствует. Существует до- и невербальная коммуникация, по отношению к которой аналитик особенно чувствителен. Некоторые аналитики говорят о том, что испытывали «странные» впечатления во время первого звонка пациента или когда в первый раз слышали звук шагов пациента, приближающегося к двери кабинета. И через какое-то время аналитик с изумлением обнаруживает, что его первые впечатления оказались верными.

Это особое качество аналитического слушания по ту сторону манифестного содержания я называю «блуждающим слушанием». Следуя за Бионом, который многое сделал для исследования этой области, я говорю про «слушание без памяти и без желания». Эту концепцию непросто понять. Я сейчас представлю мою интерпретацию этого понятия. Речь идет о необыкновенно сильно развитой рецептивности, способности принимать все, что исходит от пациента во время каждого сеанса. На примере собственного клинического опыта я могу создать репрезентацию психического функционирования моего пациента: я знаю, что он вытесняет, что расщепляет, какие аффекты он подавляет, от чего он возбуждается и т. д. И при этом я не знаю, что случится дальше.

Клара потеряла мать в возрасте 19 лет, и она была безутешна. Незадолго до смерти матери она уехала из родительского дома, чтобы продолжить учебу. Была ли бы мать жива, если бы она осталась? Она испытывала вину по поводу своего отъезда. После недолгого периода психоаналитической психотерапии мы с Кларой сменили кадр на классический анализ. Однажды во время сеанса она снова пришла в отчаяние из-за смерти матери, она плакала и упрекала меня за то, что мое отношение к ней было совсем не материнским, вначале я почувствовала свое бессилие из-за того, что не смогла ее утешить, а затем мне в голову пришла странная мысль: «Как мы хорошо ладим друг с другом». Я удивилась, но приняла во внимание это сообщение, отправленное моим бессознательным, которое знало больше, чем я.

Таким образом я смогла услышать глубокую гомосексуальную связь Клары со мной, которая существовала изначально и проявлялась в вере пациентки в то, что ее отъезд стал причиной смерти матери. Раньше я не могла уловить, кому изначально было обращено это послание. Аналитик так же, как и пациент, оказывается под воздействием вытеснения. Эта непонятная спутанность аналитика и пациента вдыхает жизнь в аналитический процесс и необходима для его развития, однако впоследствии они должны отделиться один от другого. Появление переноса делает возможным подобное разделение, которое предшествует проработке процессов сепарации. Аналитик позволяет себе попасть в подобный захват, но затем необходимо от него освободиться.

Когда связь аналитика и пациента надежно установилась, часто, но не всегда удается в последствии уловить те либидинальные и аффективные движения, которые были задействованы в установлении этой связи.

Что касается Клары, только лишь спустя долгое время я смогла ощутить эффект от моего удивления, связанный с внезапно появившейся «фразой», которая показалась мне странной, противоречила материалу сеанса и была мне как будто откуда-то навязана. Я поняла, что эта фраза говорила об истинном отношении Клары ко мне. С одной стороны, была бесконечная грусть, которая исходила от Клары, с другой – безмерное инвестирование отношений со мной, две эти части находились на разных, практически противоположных уровнях внутренних регистров. Она испытывала страстную любовь по отношению к своей матери, но пока не отдавала себе в этом отчет. В то время она находилась в отчаянии из-за внезапной смерти матери, и ее чувства к ней были наполнены амбивалентностью. Одновременно присутствовали два уровня привязанности, и я, с помощью моего блуждающего слушания, смогла уловить оба. Такой вид аналитического слушания «без цели и без желания» открывает путь для появления неизвестного. «Блуждания» включают в себя неустойчивость идентичности, которая способствует созданию «химеры», описанной в текстах Мишеля де М'Юзана (совместное произведение аналитика и пациента, результат соединения двух бессознательных, которое обретает форму, результат первичной нарциссической идентификации). Для возникновения «химеры» необходимо, чтобы аналитик обладал способностью к формальной регрессии, благодаря которой он может войти в контакт с бессознательным своего пациента.

Приведу еще один достаточно простой пример. Господин А. обратился ко мне с жалобами на одиночество, из-за которого он чувствовал себя как в тюрьме. У него не было ни дружеских, ни любовных отношений. В течение долгих лет у него не было ни одного сексуального контакта. Господин А. начал курс психотерапии, и через несколько месяцев, когда я пошла в приемную, чтобы пригласить его в кабинет, мне в голову пришла странная и нелепая мысль: «Сейчас он скажет мне, что у него венерическая болезнь».

Я удивилась, потому что это казалось весьма маловероятным. Тем не менее господин А. на сеансе сказал мне, что у него были сексуальные отношения и он на самом деле заразился болезнью, передающейся половым путем. По каким сигналам я могла догадаться? Без всяких сомнений, я заметила его болезненный вид, из-за чего, возможно, он выглядел не как обычно, но также, без всяких сомнений, я заметила что-то еще, не отдавая себе в этом отчета на сознательном уровне. Терапия и появившиеся отношения переноса высвободили у пациента влечения, которые он раньше обуздывал и которым не давал волю. Но почему же я подумала о венерической болезни? В этом есть что-то загадочное и непонятное. С другой стороны, я часто шучу, что перенос является переносчиком болезни, передающейся половым путем.

Я думаю, что свободно плавающее и равномерно распределенное внимание, которое сопровождает слушание «без памяти и без желания», позволяет аналитику существенно расширить каналы восприятия и принимать все, что исходит от пациента не только на вербальном, но и на невербальном уровне. Фрейд непосредственно не изучал этот вопрос,

но в своей работе «Конструкции в анализе» 1937 года он предлагает аналитику «угадывать» то, что ускользает от сознания и не проявляется у пациента в виде воспоминаний. Конструкция представляет собой форму интерпретации, которая прорабатывается через тесную взаимосвязь переноса и контрпереноса. Ранний опыт оставил в психике пациента мнестические следы, которые не могут принять форму воспоминаний. Тем не менее эти следы проявляются достаточно настойчиво для того, чтобы аналитик смог на основании этого материала сформулировать мысль, идею и даже убеждение.

Вместе с Жеральдин, еще одной моей пациенткой, мы смогли достаточно далеко продвинуться в нашей аналитической работе после того, как я увидела ее в образе маленького ребенка, сироты, нашедшей приют в румынском детском доме. Этот образ появился у меня внутри под воздействием ее мимики, как у отчаявшегося ребенка, и документального фильма о детских домах времен Чаушеску, который я видела накануне. Этот внутренний образ позволил мне увидеть, что в детстве с ней плохо обращались. Начиная с этого момента мы смогли пройти большой путь для того, чтобы она смогла выстроить более безопасный внутренний мир. Жеральдин пришла на сеанс с закрытым и враждебным выражением лица и при этом не осознавала свой гнев в переносе (отражение ее ненависти по отношению к матери, но вопрос сейчас не об этом). Она жаловалась на свою лучшую подругу. При этом Жеральдин не отдавала себе отчета в том, что испытывает враждебность по отношению ко мне, она не узнавала и не признавала свои аффекты. Можно сказать, что в этот момент проявилась массивная проективная идентификация, поскольку я принимала и хранила в себе чувства, которые пациентка отрицала.

В этом выражается разрыв в слушании или отклонение от основной линии. В процессе нашей работы бывало так, что я пропитывалась аффектами Жеральдин, настолько «черными», что я ощущала раздражение, это был мой ответ на ее чувства в контрпереносе, который показывал мне, насколько катастрофическим был ее внутренний мир. Но все это не мешало мне любить Жеральдин!

Я более подробно остановлюсь на анализе Жюльена, в процессе которого изменился способ его психического функционирования, поскольку удалось организовать процесс вытеснения вместо существовавшего ранее расщепления и дисперсии. Начиная с этого момента он смог больше не использовать массивные проективные идентификации, которые играли ведущую роль в первые годы аналитической работы. Я не смогу описать здесь подробно нашу долгую общую историю, но остановлюсь на некоторых важных трансформационных аспектах, в особенности на моей контрпереносной галлюцинации и ее последствиях.

Речь в данном случае идет о том, что, когда у аналитика во время сеанса появляется квазигаллюцинация, это дает возможность пациенту реорганизовать свой до этого времени подавленный ранним травматическим опытом галлюцинаторный потенциал. Ассоциативные способности пациента были сильно ограничены, поскольку у него преобладали ригидные

защиты, которые ограждали Я от угрозы дезорганизации из-за прорыва первичных процессов.

Мой галлюцинаторный опыт открыл путь для появления галлюцинаторного переноса. У пациента появились состояния по типу обонятельных галлюцинаций, которые имели место только во время наших сеансов. Они в дальнейшем обрели смысл – запах чеснока отсылал к имени няни Ай, одновременно любимой и ненавидимой (на французском языке слово «чеснок» и имя «Ай» являются омонимами. – Прим. пер.). Ассоциативные способности пациента значительно возросли, поскольку в этот момент, после поднятия на поверхность расщепления аффекта, стала потенциально возможной организация процесса вторичного вытеснения. Первичный процесс заменился на вторичный с присущей ему способностью к связыванию.

«Аналитик может получить доступ к способу функционирования пациента только лишь тогда, когда он готов выдерживать определенные колебания своей идентичности, выносить опыт деперсонализации и находиться в зоне, где границы между Я и не-Я ненадежны и неопределены, поскольку находятся под особым воздействием первичной идентификации», – говорит Мишель де М'Юзан (*De M'Uzan*, 1994, p. 39). Таким образом анализанд может «вторгнуться и заполнить собой психическое пространство аналитика», в результате чего запустится процесс создания «психической химеры» на границах бессознательного и предсознательного. Этот процесс, согласно Мишелю де М'Юзану, «сначала проявляется в виде соединения обычных или странных образов, которые в течение какого-то ограниченного времени полностью заполняют психическое пространство аналитика; эти образы – незнакомые или ужасные лица, бесформенные пейзажи, абстрактные фигуры и т. д. – следуют один за другим или видоизменяются».

Однажды во время сеанса у меня появился непонятный и настойчиво притягивающий внимание образ, который возник из ниоткуда, и я подумала, что, скорее всего, он был связан с пациентом, нежели был плодом моего воображения. Тем не менее я не могу найти в моей памяти ни одного воспоминания о материале, который мог бы породить это видение – уродливое лицо, покрытое кровью, с глазами, переполненными ненавистью, которое навязчиво привлекало мое внимание с самого начала сеанса. Квазигаллюцинация появилась настолько резко, что я почувствовала себя атакованной ее вторжением и на протяжении всего сеанса безуспешно пыталась найти причину ее возникновения в материале пациента. Это лицо мне не угрожало, меня скорее удивила ярость, которую оно выражало. И я осталась тогда в замешательстве, не найдя ответов на мои вопросы. Однако позднее во время одного из сеансов мне в голову пришла ассоциация, которая показалась мне убедительной, и я поняла смысл этой квазигаллюцинации. Речь шла о лице капитана Конана, о котором Жюльен рассказывал примерно год назад. Внутренний капитан Конан Жюльена все это время находился в латентном состоянии. Жюльен не давал ходу своим агрессивным и деструктивным влечениям, он был не способен их контейнировать, поскольку они были чрезмерны и слишком

опасны, переполненные смертоносным потенциалом. То убийство, которое могло бы произойти, было бы убийством души (я подумала о случае судьи Шребера).

Опасные влечения, прорвавшиеся из внутреннего мира Жюльена, приняли форму капитана Конана, о котором он рассказывал год назад, потрясенный увиденным накануне фильмом. «Капитан Конан» – фильм Бертрана Тавернье, в котором описываются события войны на Балканах в 1918 году и, в частности, история капитана Конана. Я не видела этот фильм и запомнила то, что рассказывал Жюльен. Капитан Конан был сложным персонажем – убийцей без угрызений совести, отважным воином и человеком, способным испытывать сочувствие. Двойственность, лежащая в основе характера этого персонажа, подсветила наличие у Жюльена расщепления имаго. Мы видим, с одной стороны, яростный напор «неприрученных» влечений, а с другой – умиротворение и спокойствие. Можем ли мы здесь также увидеть контраст между отцом в поисках наслаждения и кастрирующим отцом? Конан приходит на помощь несчастному молодому солдату, который был приговорен трибуналом к смертной казни из-за дезертирства. Конан берет обвиняемого с собой на опасное и полное риска задание, и солдату удается спасти свою честь, храбро погибнув в бою, защищая родину.

Воинская честь и отвага – идентификации, связанные с историей Жюльена. Его отец был подлецом и трусом, а дед по отцовской линии – идеализированной героической фигурой. Этот дед был ветераном Первой мировой войны, участвовал в самых жестких боях. Жюльен его не знал, но разыскивал все, что было связано с его историей, поскольку находился в поисках мужской идентификации среди членов своей семьи. Отцу не удалось выстроить мужскую идентификацию в отношениях со своим отцом и не удалось стать для Жюльена объектом для идентификации. В подростковом возрасте Жюльен оказался без отцовской поддержки, в то время отец разорился и родители развелись. Отношения в семье всегда были похожи на поле боя, откуда Жюльен сбегал, находя убежище в своей комнате. Война бушевала как во внешнем, так и во внутреннем мире Жюльена.

Капитан Конан являлся репрезентацией гнева и Жюльена, и его отца. Я была потрясена незабываемой сценой из фильма, в которой капитан Конан, когда сражение уже закончилось победой, продолжал, широко раскрыв глаза, яростно протыкать штыком тела уже убитых врагов. Его нужно было остановить.

Таким образом проявлялась отщепленная и неизвестная часть пациента. Речь в данном случае идет о бессознательной массивной проективной идентификации. Моей задачей было контейнирование этого яростного напора влечений. Я ждала, чтобы понять, что же за этим последует.

После сеанса, когда я увидела образ Конана в моем окне, Жюльен начал говорить о том, что он время от времени чувствует себя настолько расслабленным, что у него появляется желание заснуть в приемной. В тот день он начал сеанс с привычных жалоб на женщин, и в этот момент ему в голову пришла парадоксальная мысль, касающаяся его матери:

«Можно сказать, что она могла бы быть хорошей матерью, если бы она не была плохой матерью». Он смог представить, что женщины, которых он встречал, были хорошими матерями. Его негативные проекции смягчились. Он рассказал об удививших его ощущениях. Одна из коллег, которую он очень любил за ее нежность, щедрость и доброту, как-то раз принесла на работу бутылку с фруктовым соком. И в этот момент у него появилось невероятно интенсивное воспоминание. Он вспомнил свой школьный термос, который он наполнял фруктовым соком, и почувствовал практически те же самые ощущения от прикосновения к пластику, что и в прошлом. Это было трогательно, приятно и очень реально. «Что-то подобное мадленке Пруста», – добавил Жюльен. Сенсорная галлюцинация-воспоминание выглядит так, когда в ее основе лежит вытеснение. Подобная галлюцинация возможна тогда, когда работает вытеснение.

Если пациент верит в то, что его мать могла бы быть хорошей, он способен видеть ее рельефно, трехмерно – нежной, мягкой и чувствительной. Когда Жюльен видит свою мать плохой, она оказывается плоской и двухмерной. В этом материале я выявила репрезентацию контейнера, принимающего в себя проекции. Трехмерная мать – это мать, которая способна выносить проекции ребенка и не разрушаться под напором деструктивных атак, в то время как двухмерная мать представляет собой плоскость, которая не принимает и отталкивает тревоги младенца.

Год назад, когда Жюльен рассказывал о фильме про капитана Конана, я воспользовалась возможностью, чтобы дать интерпретацию, содержащую мысль о том, что Конан – это неизвестная пока часть пациента, которая проявилась в образе разбушевавшегося и потерявшего контроль капитана. Во время того сеанса я постоянно поворачивалась к окну, как если бы образ мог там снова появиться. Конан, таким образом, влез на сеанс через окно. Смог ли Жюльен присвоить себе этот образ? Смогла ли эта изгнанная наружу и спроецированная часть влечений, появившаяся передо мной в виде галлюцинации, вернуться с моей помощью в психику пациента, но уже не в форме расщепления? В данном случае я имею в виду судьбу аффекта.

После того как я словила и наделила смыслом образ проявившегося во мне Конана, Жюльен в течение двух недель на каждом сеансе начал говорить о том, что каждый раз, когда он заходит в кабинет, он чувствует очень неприятный запах. Он описывал этот запах как запах чеснока или сырого половика. Эти ассоциации привели к появлению детских воспоминаний. Как-то раз в доме, где жила семья Жюльена, была утечка газа, и всех жильцов на несколько недель пришлось выселить. Внешняя катастрофа – угроза взрыва – перекликалась с угрозой внутренней катастрофы. Он вспомнил о том, что боялся потерять свою мать во время переезда («трансфера») в гостиницу. Однако же нам с ним угрожал не газ, а неотвратимое приближение моего отпуска. И мы можем предположить, что его гнев обладал взрывоопасным потенциалом.

У меня получилось выявить эту связь только в последствии, когда я смогла сделать интерпретацию, в которой соединились его тревоги,

связанные с приближением моего отъезда, и исчезновение матери в детстве. Навязчивый запах чеснока через несколько сеансов привел его к воспоминанию о няне Ай, которая оставалась с ним во время отсутствия матери, которая уходила развлечься, занималась чем-то, о чем Жюльен не знал, из чего он был исключен. Можно сказать, что здесь мы видим проявления непостижимой и поэтому взрывоопасной первосцены.

Обонятельная галлюцинация представляет собой процесс конденсации, как в работе сновидения, она соединяет в себе вербальное означающее имени няни (репрезентация слова Ай трансформировалась в репрезентацию вещи «чеснок») и ненависть по отношению к ней, поскольку означающее Ай превращается в означающее «ненавистная», любимая няня становится объектом ненависти, поскольку ее присутствие означает отсутствие матери.

Через какое-то время я узнала, что Ай – это имя, которое часто дают няням японских детей. Таким образом, это могло быть также бессознательной отсылкой к восточному стилю моего кабинета, декорированного японскими вещами и гравюрами. И я тоже была для него этой Ай, любимой, когда была рядом, и ненавидимой, когда уезжала. Обстоятельства сложились так, что появилась возможность получить доступ к амбивалентности, проявившейся в переносе.

Я предположила, что он боялся быть в контакте с ребенком у себя внутри, чья требовательность проявлялась в отношениях с женщинами. Ему приснилось, что он встретил меня на улице, когда я шла по направлению к машине, в которой меня ждал муж. Таким образом, мы видим, что появляется фигура третьего, благодаря которой я превращаюсь в мать и женщину, у которой есть отношения с мужчиной.

Он вспоминает о еще двух более ранних эротических снах, которые он впервые связывает между собой. В этих снах он видит себя в родительской гостиной, где родители постоянно ссорились. «Я занимаюсь любовью в том месте, где они бились не на жизнь, а на смерть», – комментирует Жюльен. В этих снах он чувствует себя освободившимся от внутреннего сурового взгляда, критикующего и обесценивающего. Через перенос начала появляться эротическая первосцена, и благодаря этой трансформации он смог предпринять попытки связать свой ужас перед родительской яростной страстью, репрезентацией примитивной садистической смертоносной первосцены, источником перевозбуждения.

Обонятельная галлюцинация представляет собой бессознательное воспоминание о подавленном враждебном аффекте. Она появляется вместо злости Жюльена по отношению ко мне из-за моего приближающегося отъезда. Галлюцинация проделывает путь, подобный работе сновидения: вначале галлюцинация напоминает репрезентацию вещи, затем, по мере того как разворачивается ассоциативный процесс, она превращается в репрезентацию слова «Ай», вобравшую в себя воспоминания о любимой/ненавидимой няне. Благодаря сделанной мною интерпретации проявилась ненависть, которая была до этого подавлена, сделав возможным процесс интеграции амбивалентности. Говоря о расщеплении, я опираюсь на идеи Мелани Кляйн, которая описывает расщепление как разделение

объекта на хороший и плохой в зависимости от опыта удовольствия и неудовольствия, который проживается с объектом. Расщепление объекта превращается в расщепление Я, таким образом расщепление становится препятствием для перехода на депрессивную позицию, где эти две части соединяются в целостный объект.

Обонятельная галлюцинация переноса в дальнейшем полностью исчезла. Я предполагаю, что речь в данном случае идет об изменении внутриспсихической динамики Жюльена. Постоянное контринвестирование его враждебных чувств, изначально по отношению к матери и по отношению ко мне в переносе, постепенно исчезло, и появилось место пока еще не для аффекта, но для обонятельной галлюцинации, которая прошла затем путь трансформации и превратилась в вербальное означающее «Ай», включающее в себя аффект. Вначале появилась репрезентация вещи в виде обонятельной галлюцинации, а затем – репрезентация слова, которая привела к появлению воспоминания, а потом и аффекта. Речь здесь идет о поднятии на поверхность расщепления. Расщепление любовь/ненависть проявлялось главным образом в подавлении влечений. Через проективную идентификацию часть смертоносной ненависти и гнева проявлялась бессознательным способом. Жюльен выбросил наружу свои нежелательные и запретные аффекты, которые я приняла в форме квазигаллюцинации. Затем он смог снова интроецировать эти аффекты, благодаря процессу поразительной трансформации с использованием галлюцинаторного канала, с помощью которого он смог создать «сновидение»: неприятный запах чеснока привел к появлению воспоминания из детства, которое, в свою очередь, вызвало проявление амбивалентности. Сгущение здесь просто поразительно. И благодаря этим процессам трансформации сюда удалось вписать вытеснение, которое начало проявлять свою эффективность.

Жюльен вошел в новую стадию анализа, в которой он мог позволить себе молчание, паузы между рассказом и ассоциациями. Регулярно он говорил, что ему нечего сказать, и я чувствовала его легкую тревогу. Боялся ли он пустоты, внутренней пропасти, вызывающей головокружение? По меньшей мере он испытывал тревогу из-за отсутствия жестко сцепленной цепочки сознательных мыслей и боялся появления мыслей, питаемых бессознательными влечениями. Но, несмотря на страхи, Жюльен был способен, лежа на кушетке, отдаваться потоку мыслей, пребывать в состоянии пассивности и наблюдать за следующими друг за другом образами, «как путешественник в поезде, перед глазами которого за окном разворачиваются разнообразные пейзажи» (З. Фрейд). Добавлю еще один образ: как моряк, идущий под парусом, смотрит, проплывая, на меняющуюся береговую линию, наслаждаясь пейзажами.

Аффект появился вначале окольным путем, используя галлюцинацию переноса-контрпереноса. Благодаря развивающимся в течение долгих лет надежным отношениям переноса у пациента появилось доверие, и это позволило аффекту стать выносимым, о ненависти стало можно думать и ее «осмыслять», поскольку я была способна принять ненависть и вернуть ее в виде интерпретации, которую он был способен вынести, кроме того,

ненависть не могла разрушить объект – Другого, который я представляла собой. Игра и юмор подпитывали наши отношения и способствовали тому, что постепенно в переносе создавался другой материнский объект, контейнирующий и способный принимать проекции, какими бы они ни были.

Проективная идентификация породила «химеру», психический объект, созданный бессознательными двух участников аналитического процесса, благодаря способности аналитика к формальной регрессии. Аналитик проделывает операцию по переводу/трансформации языка влечений, которые еще не могут оказаться под воздействием вторичного вытеснения, и помогает им организовать в фантазм, поскольку благодаря контейнированию аналитика невыносимое возбуждение оказывается наконец связанным. Больше нет риска, что пациент окажется переполненным возбуждением, поскольку аналитик залатал разрывы в психической материи пациента, появившиеся из-за травм его раннего детства. В случае Жюльена оформление фантазма первосцены вызвало появление эпизода галлюцинации. Речь идет о том, что, когда амбивалентность смогла проявиться и конфликт амбивалентности начал прорабатываться в переносе, угроза психического взрыва пропала. Реальная угроза, риск взрыва из-за утечки газа, превратилась в тревогу, связанную с конфигурацией, скорее даже преконфигурацией, первосцены. Этот неожиданный опыт квазигаллюцинации и его последствия продолжают меня удивлять. Хотелось бы еще дополнить мои теоретические гипотезы следующей: кажется, что благодаря моему посредничеству Жюльен смог тогда отделиться от идентификации с фигурой дедушки, этот образ нужно было оттолкнуть от себя, чтобы затем, по мере развития аналитического процесса, иметь возможность использовать его в качестве опоры для идеализированной идентификации.

Заключение

«Лечение словом», изобретенное Фрейдом, осуществляется в пространстве, которое создается благодаря особому виду слушания, одновременно внимательному и свободно плавающему, «блуждающему» («без памяти и желания»). Подобное слушание позволяет также принимать несимволизированный материал, идущий из самых неизведанных слоев психики, который еще не обрел формы и смысла. Иногда речь идет о самых ранних, «примитивных» слоях психики, этот вопрос Фрейд поднял в работе «Конструкции в анализе». Последователи Фрейда продолжили исследовать эти бесконечные миры, где самый ранний опыт, в том числе внутриутробный, оставил в психике свои «следы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bion W.R.* Cogitations, Editions in press. Paris, 2019.
2. *De M'Uzan M.* La bouche de l'inconscient. Paris: Gallimard, coll. «Connaissance de l'inconscient», 1994.
3. *Fedida P.* Crise et contre-transfert. Paris, PUF, 1992.
4. *Freud S.* OCF tome XX, Constructions dans l'analyse. PUF, Mai 2010.
5. *Green A.* Le travail du négatif, L'hallucination négative. Les Éditions de minuit, 2020.
6. *Winnicott D.W.* La crainte de l'effondrement, Coll. Connaissance de l'Inconscient. Gallimard, 2000.

"Wandering Attention" in psychoanalytical listening. Beyond the manifest content of a dream

Annie Roux

(Translation from French and scientific ed.: O. V. Chekunkova)

Annie Roux, psychiatrist and psychoanalyst, titular member of SPP (Psychoanalytical Society of Paris).

On the example of clinical cases, the author offers a description of the phenomenon of wandering attention of the analyst in the process of psychoanalytical listening, when it is combined with the mysterious and incomprehensible aspects of the transference. What the analyst hears is not what he thinks he will hear. However, the patient does not say what he thinks to say. The analyst "without memory and desire", following Bion's recommendations, makes it possible to develop a dialogue in which the patient's formless and disordered material is endowed with meaning. As a result of these wanderings, unconscious motives suddenly appear and a certain direction is revealed.

Keywords: "without memory and desire", wandering listening, hallucination, hate in the counter-transference, projective identification.